

ЛУЧШАЯ
КРИМИНАЛЬНАЯ
ДРАМА

ВЛАДИМИР

КОЛЫЧЕВ

БОСС В ЗАКОНЕ

МОСКВА
2022

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
К60

Колычев, Владимир Григорьевич.

К60 Босс в законе / Владимир Колычев. — Москва : Эксмо, 2022. — 288 с. — (Колычев. Лучшая криминальная драма).

ISBN 978-5-04-164206-8

Шантажом, подкупом, а где надо — и силой пытается подмять под себя город заместитель начальника УВД подполковник Сажин. Все должно быть в его власти — и чиновники, и бизнесмены, и красавица Стелла, бывшая любовница его шефа. Но не все хотят мириться с такими порядками. Майор полиции Артем Малахов находит способ разоблачить темные делишки Сажина и упрятать его за решетку. Но ловкому подполковнику удастся избежать наказания. Он возвращается к Стелле и застаёт у нее Малахова. И вот тогда начинается настоящая война...

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

© Колычев В.Г., 2021
© Оформление. ООО «Издательство
«Эксмо», 2022

ISBN 978-5-04-164206-8

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

ГЛАВА 1

Ночь, ветер еще не теплый, но уже весенний. Он нес с собой аромат раскрывающихся почек и далекое дыхание лета, а земля все еще оставалась по-зимнему холодной. На душе постыло. Вроде бы и пришло время пробуждаться от спячки, но такого настроения у Алексея почему-то не было.

Нормальные люди спят сейчас в своих квартирах, а тут стой на холодном ветру, жди, когда кому-то приспичит куда-то съездить, тогда позвонят или по приложению вызовут. Может, случайный прохожий свернет с тротуара и махнет рукой, подзывая извозчика.

Алексей рад стараться. Дескать, доставлю туда, куда прикажете. Нет, он, конечно, лебезить перед клиентом не станет, но услуги свои предложит. И завтра будет рад, и послезавтра.

Жизнь идет, настоящих денег у него нет и никогда не будет. А он о своем доме у реки мечтает, построенном из крымского ракушечника или дагестанского

камня. Можно и просто из кирпича, но с балюстрадой из натурального песчаника. Но ведь не будет уже ничего, сорок четыре года за плечами, перспектив нет и не предвидится. Алексей Скалочников не жил, а существовал, поэтому тоска не уходила из его души.

— А вот еще анекдот. Стоит новый русский в Третьяковке, смотрит на картину, репу чешет...

Зато Ваня — сама бодрость. Двадцать два года парню, квартиры нет, машину арендует, гол как сокол, зато жениться собирается. Алексей отговаривал его от этого ярма на шею, но бесполезно. Ваня же временно в таксистах, завтра ему непременно позвонят из Кремля и предложат чудесную должность в районной администрации с окладом в полмиллиона. Он, конечно, вслух не говорил о таких перспективах, но верил в них, поэтому постоянно был бодр, весел и анекдоты травил без устали.

Они стояли возле своих машин. Даже под гнетом депрессивных мыслей Скалочников не мог отказать себе в свежем весеннем воздухе.

— А на картине мужик в лохмотьях. «Ничего себе, такой оборванец, а портрет свой у самого Сурикова заказал!»

— Тупой был этот новый русский, да? — осведомился Скалочников и скривился.

— Тупой, — подтвердил Ваня этот непреложный факт.

— А бабки имел.

Тут из темноты на свет вышла девушка с распущенными волосами, в коротком платье под пальто

нараспашку. Красивая, светловолосая, длинноногая, глаза из Алмазного фонда, губы из палаты мер и весов, грудь из базы первичных эталонов, а в целом — взрыв мозга.

Скалочников прожил жизнь, уже даже считал, что разучился удивляться, и вдруг от изумления открыл рот. А Ваня и вовсе застыл как истукан.

Но девушка смотрела именно на него. Она выбрала Ваню своим водителем, а может, и погорячей чего-то хотела. Парень он видный, а эта барышня была заметно подшофе. Походка у нее красивая, от бедра, но не твердая.

— Мне на Краснознаменную! — Язык у красавицы не заплетался, но слушался плохо, и это чувствовалось.

Да, тяжелый язык, зато звучание голоса легкое, волнующее, чертовски приятное.

Скалочников глянул на Ваню, выступил вперед и заявил:

— Поехали!

Не важно, кого выбирает клиент, главное, кто первый в очереди. А он подъехал раньше.

— На Краснознаменную? — Девушка с сомнением глянула на него.

Ваня молодой и стройный. Скалочников со своим двойным подбородком и вислым пузом проигрывал ему по всем статьям.

— Да хоть в светлое будущее! — заявил он, открыл переднюю пассажирскую дверцу, обошел машину и сел за руль.

Но девушка отворила заднюю дверцу.

— А кто закрывать будет? — спросил он, когда она устроилась на заднем сиденье.

— Я закрыла.

Пассажирка действительно захлопнула за собой дверцу, но передняя так и осталась открытой.

— А вот эту?

Скалочников сам должен был закрыть дверцу. Это не было для него проблемой. Но ему нужен был повод, чтобы повернуться к пассажирке и глянуть на ее колготки в прозрачных колготках. Ножки — само совершенство, особенно сейчас, после долгой зимы. И глаз радовался, и плоть возбуждалась. А еще от девушки пахло дорогими духами, элитным коньяком и сексом. Она хотела чего-то остренького, потому и вырядилась так — короткое платье, пальто нараспашку. А то, что взгляд у нее усталый и равнодушный, так это таксист рылом не вышел. Ей молодых коней в борозду подавай, старые глубоко не пашут.

Блондинка действительно собралась выходить из машины, даже открыла дверцу.

— Стоять! — выкрикнул Скалочников и тут же продемонстрировал ей свою резвость.

Он резко развернулся, просунул руку между сидений, схватил девушку за ногу и запустил пальцы под платье.

— Пошел на хер, козел! — провизжала пассажирка, и ее акриловые ногти вилами прошлись по его предплечью.

Рукав куртки не пострадал, однако Скалочников взбесился. Чем он хуже тех мужиков, с которыми гу-

ляет эта шляха? Рожей не вышел?! Прикид не очень? Толстый и жирный? Ну так сейчас она узнает, с кем имеет дело!

Скалочников не смог удержать блондинку, и она выскочила из машины. Он бросился за ней, догнал, схватил, с силой развернул к себе, уцепился двумя руками за лиф платья и показал всю свою богатырскую силу, разорвал одежду от декольте чуть ли не до самого низа. Бюстгалтера на девушке не было, и ее грудь обнажилась. Красивая, высокая, необычайно упругая, без всякого силикона. Такой действительно не нужен лифчик.

Скалочников обомлел, глядя на обнажившуюся красоту. Он осознал свою ошибку, даже готов был отвезти девушку домой бесплатно, но та вдруг влепила ему пощечину и выкрикнула:

— Урод!

Скалочников замахнулся в ответ, но ударить не смог. Кто-то вцепился ему в руку. Это был Яша Сыроваткин.

— Ты что делаешь, баран? — крикнул он ему в ухо.

Мужик рослый, сильный, на такого даже в запале не попрешь. Скалочников остыл в один момент.

— Это же Стелла! — заявил Сыроваткин.

— И что?

Отвечать Яша не стал, подал девушке руку и повел ее в свою машину. Они уехали.

Скалочников проводил их оторопелым взглядом.

К нему подошел Ваня.

— Что за Стелла? — спросил Алексей.

— Не знаю, — ответил парень и пожал плечами. — Но зря ты ее ударил.

— Я ее не бил!

Скалочников действительно не бил Стеллу. За ногу хватал, платье порвал, замахнулся — это было. Но ничего более. Ваня же смотрел на него так, как будто он ее ко всему прочему изнасиловал. А если именно за это с него и спросят?

Платье дорогое, брендовое, но дело даже не в этом. Ощущение такое, что этот гад порвал напополам не только его, но еще и душу, а потом смачно плюнул в нее.

Впрочем, Стелла к этому привыкла. Она горько усмехнулась, глядя на своего сожителя, который стремительно приближался к ней. Это был полковник Улехов, начальник всей районной полиции, взяточник и бандит, крупный, мордастый, насквозь пропахший дешевым табаком и кислым потом. Сейчас он курил дорогие сигареты, брызгался изысканным парфюмом, но Стелле казалось, что его тошнотворный запах никогда не выветрится из ее подсознания.

Не слюбилось с ним, но стерпелось. Хотя иной раз душа и требовала бунта. Сегодня Стелла сорвалась, созвонилась с подружкой и рванула к ней. Правда, Вике кто-то позвонил, и она сказала, что ей нужно срочно уехать.

Стелла не растерялась, остановила машину возле бара и наклюкалась там в одиночку. В заведении к ней

никто не приставал. Она спокойно отправилась домой, но нарвалась на бешеного таксиста.

— Ты где была? — спросил Улехов.

Он и злился, и переживал за нее. Стелла стояла перед ним, скрестив руки на груди, как будто душу от плевков защищала. Улехов заподозрил неладное, развел ее руки, ничего не увидел, расстегнул пальто, и грудь девушки обнажилась.

— Не понял!

— Да таксист, сволочь!

— Этот?! — Улехов рванул к воротам, от которых еще только отъезжала машина с шашечками.

— Нет, этот нормальный! — запахивая грудь, сказала Стелла.

— А кто ненормальный?

— Ты ненормальный! — выпалила девушка.

На самом деле ненормальной оказалась она. Зачем ей нужно было оставлять свой «Мерседес» возле бара? Правильной вдруг решила стать? Нельзя в нетрезвом виде за рулем, на такси надо ехать, вот и понесло ее к черту на рога.

А с Улеховым она зачем живет? Неприятно с ним не только в постели, тошно, а надо. Никуда от него не денешься. Это ведь его дом, он строил его пусть и для нее, но за свои деньги. Оформлено все на Стеллу, но как ей воспользоваться правом собственности, когда во всем Пригорьевске нет человека более значимого, чем Улехов? Да он ее одним пальцем по стенке размажет, если она по-настоящему взбрыкнет.

— Я ненормальный? — Улехов не вышел из себя, но за руки Стеллу взял.

Он снова обнажил ее бюст и любовался им с вождением собственника. Стелла принадлежала только ему, он свято в это верил. А ведь права на нее готов был заявить и Феликс Сажин, его первый заместитель. Этот подполковник тоже мог шантажировать ее, к тому же и у него голова стояла не на месте. Оба были влюблены в нее. От обоих Стеллу тошнило.

— Мне холодно! — сказала она.

Они стояли посреди двора, на открытом воздухе, а ночи в середине апреля только пахнут весной, никак не более.

— Что, никто не согрел?

— Да вот не повезло!

— Нажралась! — Голос Улехова звенел от ревности.

— И все равно никто не снял!

— А таксист?

— Убей его! — скорее в шутку, чем всерьез сказала она. — Если я замерзну здесь до смерти.

— Не замерзнешь! — заявил Улехов.

Он запахнул пальто, присел, обнял Стеллу за ноги, забросил ее на плечо, резко поднялся и понес в дом.

Она вздохнула, зная, чем все закончится. Тяжело ей под этим битюгом, нет никакой радости от секса, но делать нечего. Улехов присвоил ее себе, и она сама в этом виновата.

Не надо было в свое время сбегать из отчего дома. Она сделала это восемь лет назад и попала в хорошие руки. Осокин был приятным мужчиной, приучил ее

к легким деньгам и праздному безделью. Она не собиралась расставаться с ним, но его убили, а Стелла оказалась крайней. Улехов помог ей избежать наказания, но свободы ее все же лишил. Впрочем, не так уж и плохо быть его любовницей, нужно всего лишь научиться терпеть.

Сначала образуется перепад атмосферного давления, а затем уже появляются тучи.

Видимых причин для беспокойства вроде не наблюдалось, вокруг царили тишина и спокойствие, но ситуация накалялась, подполковник Сажин внутренним барометром чувствовал приближение бури. А тут вдруг этот звонок.

— Феликс, нас никто не слышит? — строгим, дрожащим от волнения голосом спросил Антонов.

С главой администрации района его связывали деловые отношения. Феликс прикрывал его со своей колокольни, помогал ему с заказами на строительство и благоустройство города. Они вместе вполне успешно осваивали районный бюджет, и Сажин очень хорошо на этом поднялся. Один дом уже стоит, другой достраивается. Есть и свободные деньги на засекреченных счетах и наличными. Все у него хорошо, но долго ли так может продолжаться?

— Говори, не бойся.

— Все очень плохо, Феликс. Вы с Улеховым в разработке у ФСБ!

— Информация проверенная? — осведомился Сажин и нахмурился.

— Скажу больше, за вами уже выехали.

— За мной ничего нет, — сказал Сажин и инстинктивно выдвинул ящик стола.

Он не держал у себя в кабинете ничего уличающего и компрометирующего, но тревожный импульс тронул его нервы.

— Феликс, про меня ни слова! — Антонов боялся прослушки, но все-таки позвонил, сказал самое главное и прекратил разговор.

Страшно ему было. Видимо, ситуация и на самом деле сложилась патовая или даже матовая.

Улехова Сажин нашел в дальнем углу двора, на спортплощадке, обычно пустующей. Полковник стоял возле сварных брусьев и негромко разговаривал по телефону. Феликс подходил к нему, стараясь не шуметь.

— Олег, этот упырь оскорбил меня лично! Убивать его не надо, но сделай ему очень больно, — проговорил тот.

Сажин знал секрет бесшумного шага, но Улехов его все же учуял, выключил телефон, резко повернулся к нему.

— Как шакал подкрадываешься, — заявил он и презрительно скривился.

Кошка между ними пробежала давно. Когда-то Сажин шел в фарватере Улехова, решал вопросы нестандартного характера, в общем, помогал ему прибираться к рукам. Однако со временем он встал на сторону главы администрации района, включился в его игру, взял под свой контроль строительную фирму, а затем и муниципальный бюджет.

Сажин сделал именно то, к чему стремился сам Улехов, поэтому и попал в опалу. Противостояние между могущественным начальником и не менее влиятельным подчиненным, как правило, ничем хорошим не заканчивается для них обоих. Антонов сегодня это подтвердил. Если за дело взялась ФСБ, то пиши пропало.

— Чутье твое проверяю, — сказал Сажин и мрачно усмехнулся.

— Неважное у меня чутье, если такую крысу проморгал.

Конечно же, Улехов хотел избавиться от Феликса. Он и с должности его пытался снять через свои каналы, и киллера к нему засылал, но коса, как говорится, нашла на камень. Сажин держался уверенно, но работал во вред их общему делу. Оно ведь таковым и оставалось, несмотря ни на что. Улехов держал под собой городской бизнес, снимал свой процент за крышу, а Сажин контролировал и бюджет, и чиновников, которые с него кормились. Это была одна мафия. Просто Феликс хотел играть на равных с Улеховым, но тот признавал только единоначалие.

— Мы не крысы, а пауки под колпаком у чекистов.

— Это ты о чем? — осведомился Улехов.

— Нас прихлопнут или просто перекроют нам кислород.

— Откуда информация?

— Не думаю, что это все серьезно. Скорее всего, просто слухи.

— Слухи, говоришь?

— Но даже если и так, то нужно что-то делать, подчищать хвосты.

— Чья-то подлая душонка задумала учинить что-то мерзкое? — произнес Улехов и едко усмехнулся.

Спортплощадка занимала небольшой угловой пятючок за гаражным боксом, место тихое, спокойное, к тому же не тупиковое. Проход здесь сквозной, камер нет, и сотрудники сюда редко заглядывали. Феликс как-то не думал, что кто-то посмеет нарушить их уединение, но, увы, вдруг набежали люди, причем вооруженные, в шлемах и масках. Это был спецназ ФСБ. Крепкие парни окружили Сажина и Улехова без шума, автоматами в нос не тыкали, на землю не укладывали, но это было самое настоящее задержание.

Спецназовцы расступились, пропустили вперед мужчину атлетического сложения с интеллигентным складом лица. Он был в штатском, но в его взгляде блестяли полковничьи звезды.

— Улехов Роман Владиславович? — для проформы осведомился этот человек.

Голос у него был густой, сильный, не предвещающий ничего хорошего.

— Подполковник Мартынов, Федеральная служба безопасности, — представился мужчина.

Сажин подавленно кивнул, напряженно глядя на Улехова. Все и на самом деле было очень серьезно, значит, не зря он вызывал начальника на откровенный разговор. Феликс не собирался предавать Улехова, но со стороны это смотрелось именно так, как было изображено на фреске под названием «Поцелуй Иуды»

работы Джотто. Сначала к Улехову подошел Феликс, а затем появились стражники, которые и арестовали его по подозрению в злоупотреблении служебными полномочиями.

Но Иуда в библейской легенде остался на свободе, а Сажина увезли вместе с Улеховым, предъявив ему ту же статью. Судя по поведению подполковника Мартынова, у сотрудников ФСБ имелись весьма серьезные основания для его задержания. Да Сажин и сам прекрасно знал все свои грехи.

Вид у генерала был картинный, он нарочно опускал нижнюю челюсть и прямил лоб, чтобы лицо выглядело как можно красивее обычного. При этом он изображал благородный гнев и мысленно наблюдал за собой со стороны. Вот, мол, я какой, видный, молодежавый, можно даже сказать, выдающийся генерал на страже закона в борьбе с преступной коррупцией и прочими безобразиями. Модельная прическа, новенький, с иголочки, мундир, напаренный и отглаженный, звезды на погонах, шитые золотом.

Генерал Соболев действительно настроен был очень решительно, но серьезность его намерений подтачивала светящаяся мечтательность взгляда. Он думал и говорил о серьезном, но с высоты колокольни, возведенной на шатком фундаменте.

Это настораживало майора Артема Малахова. Как бы ему самому не довелось подняться на эту высоту. Неспроста же он вызван в Главное управление МВД.

— Полковник Улехов и подполковник Сажин арестованы и отстранены от должности. Ведется следствие, доказательств их вины собрано достаточно, дело будет передано в суд. Что вы на это скажете, товарищ майор?

Генерал Соболев позвонил ему лично, вызвал к себе, поведал о положении дел в каком-то там Приго-рьевске, объяснил, в чем обвиняются начальник отдела и его зам, перечислил чуть ли не все их прегрешения. Понятное дело, он распинался перед Малаховым не просто так. Хорошо, если им двигали какие-то высокие помыслы, пусть и утопического характера.

А если Соболев хотел предостеречь самого Малахова, который тоже проходил в свое время по делу о коррупции? Капитана Штанова из службы собственной безопасности очень интересовал дом, в котором жил Артем. Этот жук хотел знать, на какие деньги возводился особняк. Малахов все объяснил, доказал законность своего финансового источника, но подозрения могли рассеяться не до конца.

— С коррупцией нужно бороться, — сказал майор.

— Подполковник Сажин занимал должность заместителя начальника отдела МВД. Так же как и майор Веригин, — проговорил генерал и взял паузу в ожидании отклика на эти слова.

— Вот вы о чем! — произнес Артем.

Майор Веригин был всего лишь продолжением своего брата, который разбогател на своих связях, а затем решил прибрать к рукам весь город. Малахов вывел на чистую воду и одного, и другого. Оба находились под

следствием, дела уже были переданы в суд. Вот, значит, куда клонил Соболев.

— Бывший майор Веригин — позорное пятно на репутации Министерства внутренних дел. Сколько их, таких пятен, по всей стране! — выдал картинный генерал и снова взял театральную паузу.

— Хватает.

— У вас есть опыт по выведению таких пятен, товарищ майор.

— Какой-никакой.

— Но вывести пятно мало. Отдел МВД по Пригорьевскому району — самые настоящие авгиевы конюшни. — Соболев поднял руку, позируя перед собеседником.

На этот раз он призывал его к молчанию, собирался лично заполнить возникшую паузу.

— Требуется Геракл! — восхищаясь самим собой, заявил генерал.

Артем невесело глянул на него. Что-то не очень хотелось ему влезать в шкуру Геракла и уж тем более повторять шестой подвиг этого героя. Но ведь именно для этого Соболев и удостоил его своим высочайшим вниманием.

— На должность подполковника Сажина? — спросил он.

— На должность начальника отдела внутренних дел!

— Я так понимаю, это официальное предложение.

— Я бы даже сказал, официальное назначение. Приказы уже фактически готовы, сегодня вечером они будут подписаны.

— Приказы?

— Назначение на должность и присвоение очередного звания.

— Звучит заманчиво, — сказал Малахов и пожал плечами.

Что-то не было у него желания срывать с места и ехать куда-то к черту на рога. Даже вышестоящая должность не особо прельщала его.

— На должность заместителя начальника отдела по Пригорьевскому району назначен майор Груздев, — проинформировал Артема генерал.

— Груздев, говорите? Знаю этого человека, — кивнул Артем, с подозрением глянув на генерала.

Вадим Груздев служил в управлении уголовного розыска, им приходилось работать вместе, мужик он отличный, с таким хоть в разведку. Но дело не в том. Соболев информировал его о Груздеве с таким видом, как будто Артем уже согласился принять должность и данный вопрос решен окончательно.

— На должность заместителя начальника полиции по оперативной работе назначен капитан Павлов.

— И Павлова знаю. Но дело не в том, — произнес Малахов.

— А в чем? — поинтересовался Соболев и грозно нахмурил брови.

Он все так же позировал прежде всего перед самим собой, но его начальственная строгость была не

совсем показная. Генерал действительно мог ополчиться на Малахова, воспринять его отказ как личное оскорбление. Тогда он и очередное звание притормозит, и в должности не повысит, а еще слух пойдет, что майор Малахов спасовал перед трудностями, даже струсил.

— В том, что Груздев и Павлов вместе работают, плечом, так сказать, к плечу.

— Что в этом плохого? — осведомился генерал.

— Нет, это хорошо, но и мне нужен человек из моего прежнего коллектива.

— Такой человек есть.

Малахов удивленно повел бровью. Коллектив у них в Новогорске дружный. Артем уже знал бы о том, что кому-то из его оперативников было предложено продолжать службу в Пригорьевске, но никакой такой информации он не располагал.

— Капитан Штанов.

— Штанов, стало быть. Ну да, это совсем другое дело! — заявил Артем и пренебрежительно усмехнулся.

Капитан Штанов — фрукт со свойствами овоща, настолько же амбициозный, насколько и глупый, несуразный какой-то. Служил оперуполномоченным в уголовном розыске, по причине профнепригодности переведен был в управление собственной безопасности, но даже оттуда его пнули, назначили к Малахову помощником начальника муниципального управления по работе с личным составом. Артему он больше не вредил, даже пытался подружиться с ним, но толку от него при этом не было ровным счетом никакого.

— Штанов характеризуется как человек честный, порядочный, интересы службы ставит выше личных. Именно такие люди вам и нужны, товарищ майор. Или подполковник? — произнес Соболев и выразительно повел бровью.

— Пригорьевск так Пригорьевск, — сказал Малахов.

В конце концов, он парень холостой, быстрый на подъем. Да и осушать болота на новом месте куда интересней, чем обрастать мхом на старом. Пусть отправляют в Пригорьевск, а Штанова он, так уж и быть, возьмет с собой, в нагрузку к новой, более-менее высокой должности.

ГЛАВА 2

Самое прекрасное в мужчинах — это их отсутствие. Улехов за решеткой, против него выдвинуты серьезные обвинения, скорее всего, ему не отвертеться, но в этом имелся и положительный для него момент. Вот сейчас Стелла наконец-то готова была в него влюбиться. Как же здорово, что его нет и он не скоро будет! Это просто праздник какой-то — просыпаться без него, жить в свое удовольствие!

Это неправда, что без мужчины женщина перестает следить за собой, опускается. Стелла с утра съездила в салон красоты, подправила прическу, маникюр, и все это для себя, любимой, а не для кого-то еще. Планы у нее на вечер были просто сумасшедшие. Она хотела напариться в сауне, в банном халате на голое тело бух-

нуться в кресло перед телевизором, взять любовный роман и погрузиться в чью-то чужую жизнь, полную интриг и страстей. Любовные романы особенно хороши, когда рядом нет мужчины с его потными объятиями и тошнотворными запросами. Стелла давно это уже заметила.

Но ее планы на романтический вечер обрушил Сажин. Он смог открыть калитку и договориться с Гарольдом. Пес пропустил его, а дверной замок — нет. С дверью в дом Сажин справиться не смог, поэтому остался на открытой террасе. Там Стелла его и застала.

На террасе стоял мраморный стол, которому не страшны были ни снег, ни дождь, ни даже Сажин, и кресла из того же благородного камня. Обычно к ним прилагались подушки, однако все они сейчас находились в доме. Поэтому Феликс не стал садиться, стоял, курил и сбрасывал пепел в крышку от сигаретной пачки. Свежая прическа, стильное полупальто, дорогой костюм.

— А почему не на корточках? — с расстройством спросила Стелла.

Мужчина он видный, интересный, в постели с ним куда приятней, чем с Улеховым, но лучше бы ему провалиться под землю. Да она всей террасой пожертвует, если он захочет исчезнуть вместе с ней.

— На корточках твой Рома, — с ухмылкой сказал Сажин.

— А тебя, значит, выпустили, да?

— Выпускают зверей из клетки, а меня освободили в связи с отсутствием события преступления.

— Адвокаты хорошие?

— И прокурор свой человек, — с усмешкой добавил Сажин и кивком показал на дверь, которую Стелла и не думала открывать.

Не хотела она впускать в дом этого подлеца. Сколько лет уже прошло, а все до сих пор так и не ушло у нее из памяти. Ей очень плохо было тогда, когда погиб Миша. Не давали покоя переживания и страх перед тюрьмой.

Сажин ее утешил, но вовсе не так, как ей хотелось бы. Он запугал Стеллу и уложил в постель. Ей пришлось подчиниться ему. Она могла бы и влюбиться в него, если бы он не повел себя тогда по-скотски. Не хватило ему благородства. Пусть сейчас не изображает из себя особу голубых кровей. Этот субъект навсегда останется для нее быдлом.

— Ты ему спасибо сказал? — спросила Стелла.

— Кому? Прокурору?

— А он что, не человек?

— Он всего лишь возвратил мне должок.

— Все равно спасибо скажи. Прямо сейчас и поезжай к нему.

— Посылаешь? — спросил Сажин, подошел к ней, обнял за талию и мягко, но с изрядной силой притянул к себе.

— Что дальше? — Стелла не вырывалась, но всем видом давала понять, что ей противно.

Хотя тошноту у нее он не вызывал. Табаком от него тянуло вполне приятно, едва уловимый запах пота отдавал свежей полынью. Еще в нем чувствовалась муж-

ская сила. Она проникала в сознание женщины бесконтактно, через низ живота.

— Я ведь хороший, — заявил он.

— Тогда отпусти меня.

— А если я тебя хочу? — спросил Феликс.

Он смотрел на Стеллу с вожделением, но этим лишь усилил в ней чувство отторжения.

Она не выдержала, оттолкнулась от него, отошла на безопасное расстояние, отряхнулась и недовольно проговорила:

— Ведешь себя как скотина самая натуральная!

— Я не скотина, а зверь. Это теперь мой город, — заявил он и хищно ослабил.

— Где это написано? — осведомилась она и поморщилась.

— Это будет выбито на тебе.

— На мне?

— Ты будешь моим трофеем!

— Сейчас! Только шнурки на корсете поглажу!

— Корсет можешь не надевать, — произнес Сажин и резко шагнул к Стелле.

Она шарахнулась от него, но увильнуть не успела и снова оказалась у него в объятиях.

— Да пойми ты, дура, Улехову конец пришел! Теперь я все решаю!

— Это все слова! — заявила она, с силой отталкиваясь от него.

Но, увы, Сажин держал ее крепко.

— А хочешь, я отправлю тебя к Улехову? — спросил он.

- К Улехову? — Стелла вздрогнула. — Зачем?
- Не зачем, а за что! Осокина кто убил?
- Не я!
- А если я подниму дело и передам его в суд? Там ведь все против тебя!

Стелла только представила себя в наручниках, и под коленками у нее заледенело от страха. Она действительно могла угодить под арест, хорошо помнила то утро, когда проснулась в постели рядом с трупом, вся в крови, с ножом в руке. Если бы не Сажин, то менты закрыли бы ее уже тогда и сидела бы она до сих пор. Сажин уговорил Артура, ее отчима, взять вину на себя, тем более что тот готов был убить Мишу. Но если дело будет пересмотрено, то Артур выйдет на свободу, а Стелла отправится в колонию. Это вполне реально, более чем возможно.

Ноги Стеллы сначала ослабли, затем подкосились. Она уже не могла вырываться, а Сажин продолжал прижимать ее к себе. Он чувствовал слабость женщины и подло усмехался себе под нос.

— Улехов тебе уже ничем не поможет! — заявил этот тип.

— Но ты же не сделаешь этого, — пробормотала она.

— Почему не сделаю? Улехов мне враг. Как и все те люди, которые стоят рядом с ним. Почему я должен щадить тебя?

— Улехов еще вернется!

— Что ж, я человек не злой, поэтому, пожалуй, позволю ему вытащить тебя из тюрьмы.

— Я не хочу в тюрьму! — выкрикнула Стелла.

Скорее всего, Сажин брал ее, что называется, на пушку. Но вдруг она и на самом деле окажется в камере с грязными коблами? Даже подумать об этом страшно, не то что проверять.

— Но я не позволю ему вытащить тебя из своей постели.

— И в постель не хочу!

— Хочешь не хочешь, а придется. Выбор у тебя невелик: теплая постель или холодная шконка!

Стеллу хватил озноб. Только сейчас она поняла, насколько ей холодно в объятиях Сажина, дрожащими руками открыла дверь, впустила его в дом и выбрала теплую постель.

В Новогорске Малахов служил в муниципальном управлении МВД. В Пригорьевске всего лишь отдел, но должность начальника такая же, то есть полковничья. Здание большое, относительно современное, времен позднего социализма, продуманное, функциональное, недавно отремонтированное. Коридоры широкие, светлые, гулкие, под ногами бетонный пол с гранитной крошкой, крепкий, основательный.

Только вот люди здесь ненадежные. Они смотрели на нового начальника косо, с недоверием, он для них был всего лишь халиф на час. Все здесь не сомневались в могуществе Улехова, поэтому со дня на день ждут его обратно. Тем более что подполковник Сажин уже вышел на свободу. Артем был проинформирован об этом.

Правда, начальство и не думало возвращать Сажина на прежнюю должность, но с Улеховым, конечно же, будет по-другому. Он сядет обратно в кресло начальника, а Малахов отправится домой. Вслух ему об этом никто не говорил, но уверенность такая бытовала, более того, просто витала в воздухе.

А тут еще майор Штанов.

Артем вышел из кабинета и сразу же услышал его голос. Штанов находился в холле, разделяющем второй этаж на две половины, стоял у доски почета в компании с фикусом в кадке и женщиной в звании старшего лейтенанта.

Штанов тоже получил повышение в звании и был, что называется, при параде. Но если на Малахове форма смотрелась не очень, то на Штанове мундир сидел как влитой. Начищенный, наглаженный, плотно фуражки тугое, как бубен. Смотрелась она как гребень на голове у бойцовского петуха. Мужчина Штанов упитанный, с брюшком, щечки у него сытые, но в форме он заставлял себя подбирать живот и задираť голову, может, потому и казался стройнее, чем был.

В отличие от Штанова дознаватель Марецкая живот не втягивала, а задницу ей и вовсе некуда было девать. Молодая она еще, но уже обабившаяся. На пальце правой руки обручальное кольцо, дама она замужняя, за собой следить не надо, вот ее и разнесло. На ногах у нее домашние тапочки, в руке чайник, а перед глазами — начальственная спесь новоиспеченного майора.

— Что за вид у вас, товарищ старший лейтенант! Когда вы юбку в последний раз гладили?

— Важно не это, а то, как я работаю! — парировала Марецкая этот выпад и кивком показала на Доску почета, на которой красовалась ее фотография.

Там она выглядела чуть моложе, и второй подбородок у нее еще не намечался.

— Как вы работаете? В тапочках на босу ногу?

— Начальство меня хвалит.

— Старое начальство вас хвалило! — поправил ее Штанов.

— Может, и старое, — со скрипом согласилась женщина, не желавшая обострять отношения, и с надеждой глянула на Малахова, подошедшего к ним.

Она почему-то уверена была в том, что и новое начальство избавит ее от Штанова.

— Иди, Людмила, работай, — сказал Малахов.

Женщина глянула на него польщенно, но без особого восторга, кивнула в знак благодарности и направилась в свой кабинет.

— Вы имя ее знаете? — с удивлением осведомился Штанов.

— Доску почета изучал, — ответил Артем.

Память у него была хорошая. Один раз прочел или увидел, и уже навсегда.

— Да где же почета? Позора! Я всех бы их здесь заменил! — заявил Штанов и в сердцах глянул на доску.

— Фотографии?

— Людей!

— Вы только об этом никому не говорите, — недовольным тоном предостерег его Артем.

— Нет, конечно, — пробурчал Штанов. — С людьми ведь работать надо.

— Вот и работай, — сказал Малахов и зашел в кабинет своего заместителя.

Майор Груздев стоял у шкафа и торопливо пролистывал подшивки документов.

— Вопросы? Проблемы? — любопытствовал подполковник.

— Да не знаю, с чего начать.

— Это ко мне, — сказал Артем.

Не так давно он возглавлял уголовный розыск, затем был назначен заместителем начальника управления, то есть на такую же должность, которую занимал сейчас Груздев.

— Я так понял, экономическая безопасность у Сажина была в приоритете, — хлопнув по папке, сказал майор.

Высокий, худощавый, ноги длинные, сильные, бегают быстро, на турнике нормы выдает, да и огневая подготовка на высоте. За хорошую физическую форму положена доплата.

Насколько понимал Артем, Груздев нуждался в деньгах. Семья у него, жена, двое детей. Может, поэтому он и не стал отказываться от повышения. Сегодня заместитель, завтра начальник, послезавтра генерал, а это уже совсем другой уровень жизни.

Конечно же, Артем наводил справки о Груздеве. Он должен был знать, с кем пойдет в бой. Вернее сказать,

уже пошел. Нормальный мужик, серьезный, вдумчивый, но с юморком.

— Что охраняем, то и берем, — заявил Артем.

Он, конечно же, знал, в чем был обвинен Сажин. Использование служебного положения в целях личного обогащения — это и есть та самая пресловутая коррупция. На взятках Сажин не попадался, зато имелись факты незаконного возбуждения уголовных дел, привлечения не причастных людей и, напротив, оправдания виновных. Сажин и Улехов держали на крючке весь местный бизнес, да так плотно, что им заинтересовалась Москва. Они были выведены из игры, но оборотни в отделе наверняка оставались, и Малахову предстояло с ними работать. Тяжела она, фуражка Геракла.

— Еще как брали. ФСБ только макушку срезала, а корни остались, там такие связи, еще рубить и рубить.

— Вырубим, — сказал Артем, внимательно глядя на Груздева.

Он верил в этого парня, очень надеялся на него.

Открылась дверь, в кабинет ввалился капитан Павлов, совсем еще молодой человек. Груздеву тридцать один, а ему двадцать шесть. Уже капитан, более того, заместитель начальника полиции по оперативной работе или просто начальник уголовного розыска. Тепличного вида паренек, можно даже сказать, домашний мальчик. Мама сыночка холила и лелеяла, в своих мечтах видела его музыкантом или профессором, а Максим поступил после школы в академию МВД, из романтических, разумеется, побуждений. Надо сказать, что из него получился неплохой опер. Молодой, приятной,

даже несколько слащавой внешности. Таких парней иногда еще называют пряниками. Но палец ему в рот не клади.

— Товарищ подполковник, вы здесь! — Максим весело козырнул двумя пальцами.

— Говори.

— Ваше задание выполнено! Дом хороший, со всеми удобствами! — Павлов ткнул пальцем в свой смартфон, вывел на дисплей изображение дома.

Тот был двухэтажный, сложенный из белого силикатного кирпича, с новой крышей из крашеного профнастила, пластиковыми окнами и сплит-системой.

— Со всеми удобствами — это просто замечательно, — сказал Артем.

— Недалеко отсюда. Десять минут пешком, я проверил. Да и цена в пределах разумного.

Артем просил его подобрать дом где-то за сто тысяч в месяц. Для кого-то это нормально, для кого-то чересчур. Максима смущало и то обстоятельство, что аренду начальник брал на себя. Это при том, что жить они собирались вместе, одной командой. Но ведь Малахов вполне мог себе это позволить. Он сам сдавал в аренду отцовское наследство, участок земли у кольцевой автострады, крупному торговому комплексу, там получал во много раз больше, чем будет тратить здесь.

— Когда можно вселяться? — спросил Артем.

— Да хоть сегодня!

— Тогда вечером сегодня новоселье. Но очень скромное. Можно будет пропустить по бокалу сухого или даже крепленого вина.

Врага нужно бить на его территории. Это подавляет его, как минимум лишает инициативы. Именно поэтому Сажин пришел к Олегу Шестакову, прямо в его логово. Правда, в кабинет к нему заходить он не стал, позвонил, и Шестаков вышел к нему во двор. Погода сегодня стояла отличная, не очень тепло, зато солнечно.

Плохо было то, что сила сейчас стояла за Шестаковым. Он сам по себе мужик прочной бойцовской породы, лицо будто из дубовой коряги выстругано, черты твердые, грубые, взгляд тяжелый, голос скрипучий. Этот человек вышел к Сажину один на один, но здесь располагалась его охранная фирма, только кликни, со всех концов набегут. Да и зачем ему это, если он и сам по себе отличный боец, а под курткой у него служебно-боевой ствол.

Охранное предприятие «Гарда» размещалось на территории заброшенной фабрики. Здания здесь старинные, с такими подземельями, в которых можно сгинуть бесследно. Хотя Шестаков предпочитал вывозить отсюда трупы в лес или в реку. Сажин многое о нем знал, но карты открывать пока не спешил, не о том сейчас разговор.

— Как настроение, Олег Степанович? — спросил Сажин.

Ему очень хотелось курить, но он знал, что нельзя сейчас лезть за сигаретами. Шестаков решит, что нервы у него сдают из страха за свою шкуру.

— Да как подумаю о тебе, так матюкаться хочется, — ответил Шестаков и бесцеремонно сплюнул ему под ноги.

— Я не девушка, чтобы обо мне думать.

— А кто знает, что с тобой за решеткой делали? — с ухмылкой проговорил Олег. — Улехов там твою задницу не прикрывал.

— Улехов остался в прошлом.

— Только не предлагай мне свое будущее! — заявил Шестаков и скривился.

Он угадал. Именно это Сажин и собирался ему предложить. Если Улехов — рука, то Шестаков — его дубина. «Гарда» охраняла в городе все, что только возможно, а это полный контроль над бизнесом. В подчинении у Шестакова имелся и обычный контингент, и элитный. Его спецбригада состояла из отборных бойцов. Именно эти звери и нужны были Сажину. Поэтому он должен был переманить Шестакова на свою сторону и рискнул сегодня головой, продемонстрировал свою неустрашимость. Только вот Олег Степанович этого, похоже, не оценил.

— Я же тебе говорю, Улехов кончился! — заявил Сажин.

— Это ведь ты его сдал!

— Я своих не сдаю, даже если много о них знаю.

— Улехов тебе свой?

— И ты свой!

— Ну да, все правильно, я свой, ты чужой. Жить хочешь? — резко спросил Шестаков, взглядом показывая на ворота.

Он давал понять Сажину, что тот еще может уйти. Еще чуть-чуть, и будет поздно.

— Я знал людей, которые хотели жить.

— Давай, пошел! — резко проговорил Шестаков, повернулся и скрылся в дверях своего офиса.

Он уходил, но поле боя все равно осталось за ним. Однако Сажин знал, как себя утешить. Побеждает тот, кто побеждает последним.

Гарольд глухо, беззлобно гавкнул, и Стелла тут же оказалась на ногах. Вдруг Рома вернулся, вот пес и обрадовался? Но нет, по улице прогуливалась пожилая парочка из соседнего дома. На поводке у них была сучка, вот Гарольд ее и учуял.

— Чего это ты? — осведомился Сажин.

Он лежал в постели, сытый, самодовольный после утренней разминки. Стелла и не хотела, но была вынуждена...

— А того! Тебя убьет, не жалко. А себя я люблю!

— И я тебя люблю.

— Не слышу дрожи в голосе, — сказала на это Стелла и усмехнулась.

Улехов тоже ее любил, даже от жены ушел, но замуж так и не позвал. Стелла для него была всего лишь игрушкой, которая должна всегда находиться под рукой. А для Сажина она еще и трофей, причем не очень ответственного, мягко говоря, поведения. Не успела постель после одного мужчины остыть, как в ней прописался другой. Вот и кто сия девица после этого?

— Дрожь ты должна чувствовать в моем теле! — с ухмылкой проговорил Сажин.

— Может, ты жене своей дашь ее почувствовать? — произнесла Стелла и поморщилась. — Шел бы ты к ней!

— Надоела мне жена, да и все прочие. Только с тобой хочу!

— Любишь? — дразнящим тоном спросила она.

— Люблю! — Сажин смотрел Стелле в глаза, настаивал на серьезности своего к ней отношения.

— Может, и Улехов меня любит. Если так, то не убьет. Тебя прикончит, а меня нет. Когда же он вернется?

— А я бы тебя убил.

— Скажи, если я накормлю тебя завтраком, то ты уйдешь?

— Если завтрак в постель...

— Обойдешься!

Стелла приняла душ, спустилась на кухню, приготовила незатейливый завтрак, сварила кофе.

Сажин пришел на запах, обнял Стеллу за талию и сказал:

— А мне нравится у тебя.

— Да что ты?

— А чего ты такая нервная? — спросил Феликс и зарылся носом в ее волосы.

Ей казалось, что завтрак его волновал мало. Да и у нее не было аппетита, настолько он действовал на нервы.

— Может, тебя обидел кто?

— Кто меня обидел?

— Да мало ли. Может, старые обиды?

— О чем это ты?

Обид у Стеллы за ее короткую жизнь накопилось немало. Тот же Сажин, к примеру, сволочь редкостная,

сколько она от него натерпелась. Но на ум ей в первую очередь пришел проклятый таксист. Может, потому, что Феликс как-то странно на нее смотрел. Как будто руку в душу запустил.

— Может, ты кому-то на кого-то жаловалась?

— Я подарила бы тебе кота, но ты ведь такой негодяй, что будешь постоянно тянуть его за яйца.

— Я слышал, тебя какой-то таксист оскорбил. Это правда?

— Все равно кота не подарю.

— А Улехов с него не спросил. Или как?

— Не знаю.

— Но спросить собирался?

— Зачем тебе это?

— Я привезу тебе этого таксиста, поставлю его перед тобой на колени.

— Не надо мне этого.

— Зато мне надо. Улехов забил на тебя, а я нет. Я тебя люблю и хочу! — Сажин распахнул глаза, удивляясь самому себе.

Да, он действительно дико хотел Стеллу прямо сейчас, после короткой, в общем-то, передышки. Легче маньяка отговорить, чем его.

— Давай вечером, — сказала Стелла и попыталась спастись бегством.

Однако Сажин поймал ее за руку, сгрел в охапку и усадил на кухонный стол.

Стелла глянула на нож, лежащий на стойке бара. Не убивала она Мишу Осокина, но Сажина зарезала бы с превеликим удовольствием.

У кого-то теща враг, у кого-то друг, а у Алексея ни то ни се. Вроде бы и неплохая она женщина, Полина Тимофеевна, на зятя не наговаривала и приезжала редко, но все равно настроение у него было неважное. Ей угодно было прибыть именно сегодня, и поезд она почему-то выбрала самый неудобный. Были же такие, которые прибывали в город в семь-восемь утра, а Полина Тимофеевна ехала самой ранней лошадкой, встретить ее нужно будет в начале пятого. У него ведь работа, он потеряет не только во времени, но и в деньгах.

Дело худо-бедно шло. Половина третьего на часах, а у него клиент, и ехать недалеко.

— Фабричная, сто семь, — сказал мужчина, закрывая за собой дверцу.

Куртка на нем кожаная, перчатки. Вроде бы не зима, на улице зябко, но мороз за пальцы не хватает. Зачем перчатки?

— Так вызов на Мира был, — хмуро пробурчал Скалочников.

— Передумал. Имею право, — заявил пассажир, нервно моргнул и почесал щеку.

Человек худощавый, остролицый. В машине далеко не светло, но видны круги у него под глазами, да и чешется как-то слишком уж подозрительно. Не наркоман, случаем?

— Да, право-то ты имеешь, — разгоняя машину, сказал Скалочников. — Только вот обратно я тебя не повезу.

— Чего так?

— Да так! — У водителя что-то не было желания вступать в разговор с клиентом, тем более с таким.

— Ладно, как скажешь, — произнес мужчина, снова почесал щеку, затем сунул руки в карманы куртки и съехал вниз по креслу, практически принял лежачее положение.

Верхний срез капюшона при этом накрыл ему глаза. Засыпая, он не забыл почесаться. Точно наркоман.

Дорога отняла минут пятнадцать, не меньше. С наркоманами опасно иметь дело. Скалочников на всякий случай подтянул к себе под бедро монтировку, готов был, если вдруг что, рубануть по башке без всякой жалости.

У главных фабричных ворот светили фонари, но клиент повел рукой вправо от них и заявил:

— Дальше давай!

Дорога в объезд фабрики проселочная, темная, самое место для мокрых дел.

— Куда дальше? Поля там.

— Это за фабрикой. Мне другие ворота нужны.

— Там пешком всего метров двести, — останавливая машину, сказал Скалочников.

— Тогда минус двести рублей.

— Так с тебя всего двести пятьдесят! — возмутился Скалочников.

— Значит, дам полтинник. Железом возьмешь?

— Каким еще железом?

— А таким!

Алексей и за монтировку схватиться не успел, а ему в бок уже вжался ствол пистолета, вернее сказать, глушитель, накрученный на него.

— Ты мне пистолет предлагаешь? — дрогнувшим голосом спросил Скалочников.

Он, конечно, взял бы ствол в счет оплаты, даже если он пневматический.

— Пулю! — с ухмылкой ответил на это наркоман.

— Настоящую?

— Проверим?

Скалочников мотнул головой. Девяносто девять из ста за то, что пистолет пневматический, но вдруг все-таки боевой? Чтобы умереть, хватит и одного процента. Ему как-то не очень хотелось испытывать теорию вероятности на себе.

— Ладно, будь по-твоему, — сказал Алексей.

У боковых ворот горел фонарь, но один-единственный, причем тусклый. Дорога от них упиралась в поле.

— Давай сворачивай! — заявил пассажир.

— Зачем?

Наркоман оттянул пистолет на себя и нажал на спуск. Пуля с глухим звоном прострелила боковое стекло и ушла в сторону фабрики. Глушитель оправдал свое название, но звонко стукнула затворная рама. Слышно было, как ударилась о ветровое стекло гильза.

Этим выстрелом пассажир убедительно ответил на вопрос водителя. Возражений не последовало.

Скалочников проскочил тупичок, но тут же исправил свою ошибку, сдал назад и остановил машину.

— Выходим! — скомандовал наркоман.

— Куда выходим? — Алексей с силой вцепился в руль.

— Стреляю!

— Ладно! — Скалочников повернулся к двери, одной рукой дернул за рычажок, а в другую взял монтировку.

Но это его подозрительное движение не осталось незамеченным.

— Что там у тебя?

— Ничего!

— Вот и оставь это ничего в машине! Не дури! Я стреляю быстро, точно в яблочко! В глазное!

Все же Скалочников решился на побег. Он рывком вынес тело из машины и рванул в поле. Но наркоман выскочил из авто так же быстро и сразу выстрелил. Звонкий стук затворной рамы отрезвил беглеца, заставил его остановиться.

— В следующий раз не промажу! — предупредил его наркоман.

Эта фраза заставила Алексея задуматься. Так он и дошел до фабричных ворот, за которыми для него начался ад.

Майор Яхонтов чем-то напоминал дембеля-неудачника, которого всерьез воспринимают только совсем молодые солдаты. Сослуживцы его не уважали, смеялись над ним. Ему стоило бы остановиться и осознать свои ошибки, а он продолжал вести себя как клоун. Дурашливая молодецкая улыбка, бравурные глупые шутки, расхлестанный вид. С таким вот оперативным дежурным и должен был иметь дело подполковник Малахов.

Но если Артем запросто мог поставить на место за-
равшегося майора, то заявительница не была способ-
на это сделать.

— Да не расстраивайтесь вы, Ксения Александров-
на. Никуда ваш муж не денется, проспится и вернет-
ся, — заявил Яхонтов.

Он высоко держал руку, будто собирался обнять
за плечи немолодую полноватую женщину в светлой
вязаной шапочке с блестками, но не делал этого, по-
нимал, что будет уже чересчур. Майор не прикасался
к этой особе, однако подталкивал ее к турникету, фак-
тически выставлял за дверь.

— Алексей на работе не пьет, — сказала она.

— Вот и я говорю, что женщина здесь совершенно
ни при чем. Зачем же нам тогда писать заявление?

— Какая женщина? Леша звонил, звал на помощь!

— Что именно он говорил?

— Я слов не разобрала. Он хрипел так, как будто
его душили!

— Я сегодня тоже под женой хрипел аж два раза
и, заметьте, на помощь никого не звал.

Малахов наблюдал за Яхонтовым, не привлекая
к себе внимания, но тут его терпение лопнуло.

— Товарищ майор! — одернул он дежурного.

Яхонтов резко подался назад, развернулся лицом
к Малахову и дурашливо щелкнул каблуками. Точно
клоун!

Артем окинул его пренебрежительным взглядом.
Такого недоумка даже воспитывать противно, но при-
дется. На личном примере. Нужно будет разобраться

с женщиной, найти ее мужа и этим показать подчиненным, как работают нормальные полицейские.

— Прошу вас, Ксения Александровна! — Малахов взял женщину за локоть и повел в сторону лестницы.

Он пригласил ее к себе в кабинет, в ответ она благодарно кивнула.

Артем уже повернулся к Яхонтову спиной. Он не мог видеть его, но знал фиглярскую сущность этого фрукта, почувствовал неладное и резко обернулся. Яхонтов мигом перестал корчить рожи, вытянулся в струнку. Дурак дураком!

Боксерская груша не даст сдачи, но плоха не только этим. Она представляет собой мертвую плоть, в ней нет жизни, которую нужно отнять. Совсем другое дело, когда в мешке живой человек.

— Кто сказал, что нам нужен хозяин? — спросил Шестаков своих бойцов.

Они стояли перед ним в одну шеренгу, чертова дюжина чертовых душ. Лучшие из лучших, один к одному, его элита и надежда. Любого порвут за своего босса. Делать это они начнут прямо сейчас, жертва уже в мешке, подвешенном к потолку, мычит и трепыхается, расплачет жажду крови.

— Мы сами себе хозяева! — вещал Шестаков. — Это наш город!..

В следующий раз в мешке окажется Сажин. Хватит ему подкатывать с тупыми предложениями. Думает, что он умнее всех! Нет уж, на свято место Улехова уже